

Когда я пришла к моим павлодарским друзьям, в их уютный домик с палисадником, где горели торжественные, упоительные по разноцветности гладюлусы, мне под ноги бросился жёлтый пушистый щенок.

– Это ваш? Откуда такая прелесть? – присев, я стала гладить щенка.

– Привезли из аула! Вместо сбежавшего! Вчера! Ральф. Хорош, правда?

Пёсик рычал, захлёбывался игрой, закатывал глаза, кусался и лизал руки.

И каждый раз, как я приходила к его хозяевам, кормившим, поившим, купавшим его, но с ним не игравшим, – он кидался мне опрометью навстречу, точно я была не человек, а щенок.

Неужели он будет жить в будке в павлодарские крутые морозы?

– Подрастёт ещё до зимы... – сказали мне в утешение.

Год перевалился с боку на бок. Я снова поехала в Казахстан. Когда я вошла радостно в калитку знакомого дома...

– Подождите, не входите, я сейчас собаку привяжу! На днях искусал женщину.

– Такого злоку достали? – отвечала я, постояв за калиткой.

Рыжая громадина, покорясь прищёлкнутой к ошейнику цепи, встала, взвизвись на мощные лапы, и – навстречу мне – молотила воздух передними, счастливо взвизгивая.

– Ральф! На место!

– Как, это тот крошечный Ральф?

– Да куда Вы, он Вас укусит.

– Он меня любит, – крикнула я в пасть его щедрости, и мы уже «лапали» друг друга, восхищённо, под критическим оком хозяйки.

– Осторожней, Вы всё-таки не знаете, какой злой. Его все боятся...

И все недели, что я гостила у родных и приходила часто с внучками к друзьям, – наши встречи множили собачью и человеческую нежность, и дружба цвела. И ещё приезд, и ещё. Внучки боялись входить без меня, а при мне он был к ним приветлив. Но их мать, без меня пришедшую, искусал так, что она месяц ходила на перевязки.

Однажды, придя к друзьям, я не застала их дома. Внучка Оля ждала меня за калиткой. Засунув записку в замок, поласкав Ральфа, я уже уходила, когда он, рывнувшись, прыгнул, придавив что-то лапой. Придавленная к земле белая курица голосила по-человечески. Деловито отфыркиваясь, Ральф рвал перья, лапой держа в отчаянии голосящее существо. Раньше, чем я поняла, что делаю, взлетела над Ральфом палка. Ударяя, я метила так, чтобы попасть не по мягкому, – а по твёрдому собачьему окороку. Мне было 70 с лишком, и я в первый раз била собаку. Но собака не выпускала курицу, только дрогнула под ударом. Куриный вопль о помощи был страшен. Ещё миг – пёс разорвёт её. Второй раз взлетела – сильнее – палка над белым комком перьев, но, должно быть, осторожен был мой удар – Ральф не выпустил курицу. Тогда страх, что сейчас на моих глазах он сожрёт кричащее существо, превозмог жалость к другу – по рыжему окороку рухнул третий удар, сильный... Ральф забился в глубь будки и оттуда жалко стучал хвостом, вытянув виноватую морду.

– Ты так кричала на него, – потом говорила мне Оля, – и топала, и стыдила.

– Правда? Совершенно не помню... Я помню одно: как вся целая убежала курица, рассыпая перья. Как она осталась цела?..

Мы шли дальше, я говорила:

– Олечка, самое интересное то, как один рефлекс – страх за курицу – пожрал другой рефлекс – жалость к собаке. Нет, и ещё один рефлекс он пожрал – инстинкт самосохранения. Я первый раз в жизни била собаку – *сильно* била! – позабыв совсем, что ведь она может кинуться...

– А я так кричала тебе, ты не слышала? – прервала меня Оля, – я так испугалась, что она *тебя* разорвёт, а не курицу...

– Ну вот, видишь, что значит любовь собачья! Ему и в голову не пришло на *меня* броситься. Он оттуда, из будки, просил *прощения*, как только опомнился.

Прошло ещё несколько лет. Снова я в Павлодаре. Друзья мои продали домик, переехав в квартиру «с удобствами», – вместе с домом продали сторожа. Я шла на свидание с Ральфом.

– Куда Вы? – истошным голосом кричит женщина, выскочив на порог, видя, что я открываю калитку. И обернулась на нежное зрелище: Ральф, стоя на задних ногах, мотал передними лапами. Но я уже прорвалась мимо новой хозяйки, и мы с Ральфом обнялись, празднуя встречу и память, и я что-то кричала счастливое возмущённо кричавшей хозяйке.